
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПОНАМАРЕВА А.М.* ИТОГИ КРУГЛОГО СТОЛА «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ КАК ПРОСТРАНСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ» (ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ, МГУ им. М.В. ЛОМОНОСОВА, 27 НОЯБРЯ 2020 г.). (Отчет)¹.

Ключевые слова: историческая память; Вторая мировая война; ПА ОДКБ; социальные рамки памяти; мнемоническая безопасность; Китай; Япония; миропорядок.

Для цитирования: Понамарева А.М. Итоги круглого стола «Историческая память о Второй мировой войне как пространство политической борьбы» (факультет мировой политики, МГУ им. М.В. Ломоносова, 27 ноября 2020 г.). (Отчет) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 2021. – № 1. – С. 164–172.

В год 75-летнего юбилея Победы во Второй мировой войне (ВМВ) еще с большей очевидностью проявился тот факт, что па-

---

* Понамарева Анастасия Михайловна – кандидат социологических наук, заместитель декана по научной работе факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Отдела проблем европейской безопасности Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: amronamareva@fmp.msu.ru

¹ Отчет представляет собой измененную и дополненную версию материала, опубликованного в новостной ленте на сайте факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. См.: Итоги круглого стола «Историческая память о Второй мировой войне как пространство политической борьбы». – Режим доступа : <https://fmp.msu.ru/nauka/meropriyatiya/naucnie-meropriyatiya/item/4058-itogi-kruglogo-stola-istoricheskaya-pamyat-o-vtoroj-mirovoj-vojne-kak-prostranstvo-politicheskoy-borby> (дата обращения: 16.12.2020).

мать об этом событии более не работает как ресурс международной солидарности.

Сложившаяся ситуация может быть вписана в формулу «войны памяти вместо памяти о войне», и этой проблематике – конкуренции исторических нарративов, национальной специфике правового регулирования увековечения памяти о ВМВ и т.п. – как раз и был посвящен круглый стол кафедры международной безопасности факультета мировой политики (ФМП) МГУ им. М.В. Ломоносова, состоявшийся 27 ноября 2020 г. Мероприятие прошло в режиме онлайн и объединило экспертов Москвы и Санкт-Петербурга, государственных служащих, представителей вузов и институтов Российской академии наук.

С первым докладом «Законодательные меры борьбы с возрождением нацизма» выступил ответственный секретарь ПА ОДКБ (Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности), канд. экон. наук **С.В. Поспелов**. Сергей Валерьевич рассказал о специфике деятельности ПА ОДКБ по гармонизации национального законодательства государств – членов блока в сфере противодействия реабилитации нацизма. Результатом этой интенсивной и не имеющей аналогов работы стало принятие «Рекомендаций по совершенствованию законодательного обеспечения борьбы с преступностью на почве национальной, расовой и религиозной нетерпимости в государствах – членах ОДКБ» (от 26 ноября 2015 г.) и «Рекомендаций по совершенствованию национального законодательства государств – членов ОДКБ в сфере противодействия распространению нацизма и его проявлений» (от 5 ноября 2019 г.). В двух вышеупомянутых документах были определены юридически значимые характеристики проявлений нацизма, что ликвидировало часть пробелов в национальном законодательстве государств – членов блока.

С.В. Поспелов также напомнил, что в апреле 2020 г. руководители парламентов государств – членов ОДКБ приняли Обращение к парламентам стран Европы с призывом сообщать противодействовать распространению нацизма и его проявлениям, в том числе на основе опыта модельного законотворчества ОДКБ. Ожидаемо скромный отклик был, скорее всего, обусловлен существующими расхождениями в юридическом понимании как нацизма, так и фашизма. Работу ПА ОДКБ по политико-правовому обеспе-

чению противодействия возрождению нацизма планируется продолжить и на международных площадках, в частности на пространстве Парламентской ассамблеи (ПА) ОБСЕ.

В плане дальнейшего совершенствования модельного законодательства значимым шагом вперед следует назвать прохождение первой стадии утверждения «Рекомендаций по формированию общих подходов государств – членов ОДКБ к выработке мер по противодействию внешним деструктивным попыткам ревизии и искажения исторических событий и итогов Великой Отечественной и Второй мировой войн и методике преподавания их истории». Дальнейшая деятельность ПА ОДКБ будет осуществляться в соответствии с «Программой законодательной деятельности ПА ОДКБ по сближению и гармонизации национального законодательства государств – членов ОДКБ на 2021–2025 годы», согласованной в середине ноября сего года.

С докладом «Рамки конкурирующих нарративов Второй мировой войны и их политический смысл» выступил профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, научный руководитель Центра изучения культурной памяти и символической политики, д-р ист. наук **А.И. Миллер**.

«В течение довольно длительного времени, еще в 1980–1990-е годы, – отметил Алексей Ильич, – мы жили с двумя официальными нарративами: один – западноевропейский – был сконцентрирован на теме Холокоста как “преступления преступлений” и участия представителей разных народов Европы в осуществлении этого преступления; второй – советский, в котором Холокост не звучал... это был нарратив Победы, героизма и самопожертвования». Вышеозначенные нарративы тем не менее объединяла идея единства людей доброй воли в борьбе с нацизмом: «Потому что если в центре социальной рамки памяти о ВМВ у вас стоит Холокост, а центре Холокоста – Аушвиц и ключевым событием в истории Аушвица является день его освобождения, то в этот фокус неизбежно попадает солдат советской армии, который открывает ворота Аушвица».

Сегодня, констатировал эксперт, мы наблюдаем трансформацию механизмов передачи исторической памяти о ВМВ и приобретение официального статуса иными, конкурирующими нарративами.

Итоги круглого стола «Историческая память о Второй мировой войне как пространство политической борьбы»

В нарративе, чей фокус внимания смещен на начало войны, ключевым становится «сказание о двух тоталитаризмах», которые развязали Вторую мировую войну в результате советско-германского договора 23 августа 1939 г. отождествление советского и нацистского режимов фактически закреплено Резолюцией 1481 Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) «О необходимости осуждения международным сообществом преступлений тоталитарных коммунистических режимов» (2006) и резолюцией Европейского парламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» (2019). В этом нарративе Россия «из государства, наследующего Великой Победе, становится государством, которое должно смиренно дожидаться своего Нюрнбергского процесса».

Другой нарратив фокусируется на послевоенном периоде, трактуя освобождение стран Европы от нацистской оккупации Красной армией как начало новой, советской оккупации. Он закреплен в декларации Майка Помпео и глав МИД Болгарии, Чехии, Эстонии, Венгрии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии и Словакии, обнародованной на сайте американского Госдепа 7 мая 2020 г.¹

В подобной ситуации формирование универсального для коллективного Запада и России исторического нарратива исключено: «В войнах памяти пленных не берут». Однако, уточнил Алексей Ильич, «политика – это пространство, в котором силы с непримиримыми интересами одновременно учатся существовать в своего рода “вегетарианском” режиме». И ключевой вопрос на сегодняшний день – удастся ли нам перейти от антагонистического к агонистскому режиму памяти, предполагающему взаимоуважительный диалог, который необязательно ставит своей целью нахождение согласия.

Заместитель директора ИНИОН РАН, канд. филос. наук, д-р полит. наук **Д.В. Ефременко** в докладе «Дискуссии о причинах и итогах Второй мировой войны в ракурсе мнемонической безопасности» продемонстрировал исключительную продуктивность такого

---

¹ Joint statement on the 75th anniversary of the end of the Second World War. – 2020. – May 7. – Mode of access : <https://www.state.gov/joint-statement-on-the-75th-anniversary-of-the-end-of-the-second-world-war/> (accessed: 23.12.2020).

методологического приема, как рассмотрение памяти в различных контекстах безопасности, и раскрыл потенциал применения предложенного социологом Энтони Гидденсом концепта «онтологическая безопасность» в исследованиях в области международных отношений.

Будучи важным и устойчивым компонентом российской макрополитической идентичности, историческая память о ВМВ может рассматриваться в различных контекстах безопасности. Рутинизированные социальные практики и биографические нарративы выступают частью онтологической безопасности сообщества, оказывая влияние на его социальное и политическое поведение. Обращение к термину «онтологическая безопасность», включающему в себя понятие «мнемоническая безопасность», позволяет более рельефно высветить взаимосвязь между государствами и стоящими за ними сообществами, в том числе в вопросах идентичности и исторической памяти.

Если исходить из предпосылки, что государство, отстаивая онтологическую безопасность своего сообщества, обеспечивает непрерывность своего «я», пояснил Дмитрий Валерьевич, тогда исторические практики могут рассматриваться в качестве объектов секьюритизации. При этом секьюритизация имеет международное измерение, и использование представления об этом открывает новые возможности для объяснения дилеммы международной безопасности и международных конфликтов. Очевидно, конкурентные отношения государств по вопросам исторической памяти с некоторыми коррективами могут воспроизводить дилемму безопасности.

Д.В. Ефременко уточнил, что «дилемма мнемонической безопасности проявляется в том случае, когда исторический нарратив, служащий “мифом основания” для государства А или играющий большую роль в сплочении стоящего за этим государством сообщества, на систематической основе оспаривается влиятельными силами, выступающими от лица сообщества, стоящего за государством В. Если институты государства В оказывают устойчивую поддержку этим усилиям, то политические элиты государства А оказываются перед выбором: игнорировать такого рода действия или разработать свой комплекс мер, направленных на противодействие подрыву “своего” нарратива и дискредитацию исторических

***Итоги круглого стола «Историческая память
о Второй мировой войне как пространство политической борьбы»***

нарративов, значимых для сплочения сообщества в государстве В». Такая дилемма – производная от классической дилеммы безопасности. Под уже существующие противоречия подводится символический базис, и конфликт начинает мыслиться как конституирующий элемент собственной национальной идентичности. Переход к развязыванию полномасштабных войн памяти, безусловно, свидетельствует о возникновении дилеммы мнемонической безопасности Второй мировой войны.

«Важная особенность дилеммы мнемонической безопасности, – отметил докладчик, – состоит в том, что ее практически невозможно преодолеть в рамках только политики памяти». В то же время классическая дилемма безопасности в международных отношениях не является непреодолимой. То есть, очевидно, предпосылкой выхода официальной Москвы из жестких войн памяти станет хотя бы относительное ослабление геополитической напряженности между Россией и Западом, появление у каждой из сторон конфликта заинтересованности в снижении уровня конфронтации.

«Сообщество историков начинает демонстрировать готовность перехода от модели антагонизма к модели агонизма, но без серьезных политических стимулов это так и останется рукой, протянутой в никуда», – подвел итог своему выступлению Д.В. Ефременко.

В следующей части круглого стола, посвященной страновым кейсам, доцент кафедры международной безопасности, заместитель декана по научной работе факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. социол. наук **А.М. Понамарева** выделила особенности исторической политики современного Китая, а также представила краткое описание трансформации исторической политики КНР в отношении наследия ВМВ, в первую очередь в соотнесении с эволюцией китайско-японских отношений.

Анастасия Михайловна отметила, что своеобразными константами исторической политики КНР являются: дискурс национального унижения – драматическая память о периоде «опиумных войн»; неприятие исторического нигилизма; представление об исключительной роли своей страны; централизованность процесса принятия решений при трактовке исторических событий со стороны Коммунистической партии Китая (КПК). При этом избиратель-

ная историческая амнезия не специфична для КНР. Этот механизм используется любым государством в процессе нацистроительства.

Интерпретация знаковых эпизодов внешней политики современного Китая, указала А.М. Понамарева, вписывается в некий «национальный шаблон повествования», в основе которого лежит тема сопротивления агрессивному воздействию извне. Не случайно, когда два года назад американо-китайская торговая война еще только начиналась, в Китае сравнивали атаку Трампа с нападением на страну милитаристской Японии, открывшей в 1937 г. дальневосточный театр Второй мировой войны.

На современном этапе перед КНР стоит сложная задача – преодолеть европоцентричный подход к изложению истории Второй мировой войны, увязав ее начало с действиями Японии, т.е. с периодом до 1939 г. Некоторое время дискуссионным оставался вопрос о конкретной дате: одни китайские историки называли 7 июля 1937 г. («инцидент на мосту Марко Поло»), другие настаивали на 18 сентября 1931 г. («мукденский инцидент»), но в любом случае в официальной историографии КНР Вторая мировая война началась с нападения Японии на Китай и победой над Японией она завершилась.

Соотнеся изменения в политике памяти КНР с эволюцией китайско-японских отношений в период с 1972 г. по настоящее время, докладчик раскрыла зависимость исторической памяти от социальных рамок актуализации, задаваемых международной средой.

В 1970-х годах китайские лидеры предпочли избирательную амнезию детальному проговариванию прошлого, поскольку рассчитывали через продуктивное взаимодействие с Японией снизить влияние СССР и США в регионе. Советско-китайский раскол, пиком которого стал конфликт на острове Даманский, начался в конце 1950-х годов. Одновременно произошедший при Ричарде Никсоне переход США к более прагматичной политике в Восточной Азии и восстановление отношений Пекина и Вашингтона подтолкнули внешнеполитическое ведомство Японии к расширению круга партнеров по международному сотрудничеству. Таким образом, к 1972 г. сложились все условия для нормализации отношений Японии и Китая. После того как японская сторона согласилась с требованиями признать КПК единственным законным правительством, представляющим Китай, Тайвань – неотъемлемой ча-

стью КНР, а японо-тайваньский договор 1952 г. утратившим силу, высшее руководство КНР признало, что ответственность за войну лежит не на японском народе, но на военно-политических лидерах тех лет. Показательно, что в ходе переговоров, отвечая на извинения премьер-министра Японии Какуэя Танаки за совершенное его страной во время войны, Мао Цзэдун пошутил, что в извинениях не было необходимости: «В конце концов, без японского вторжения коммунистическая революция никогда бы не увенчалась успехом». Тогда же Китай и Япония отложили на неопределенное время рассмотрение спорного вопроса о принадлежности островов Сэнкаку (Дяоюйдао) в Восточно-Китайском море. Однако, став второй по величине экономикой мира, в исторической политике Китай отказался от прагматизма и примиряющей риторики в отношении Токио. Память о «войне сопротивления японским захватчикам» оказалась чрезвычайно востребована в новых условиях, когда Китай накопил в себе достаточный потенциал, чтобы противодействовать политическому возвышению Японии. Кстати говоря, территориальные споры в Восточно-Китайском море вновь вернулись в международную повестку дня.

Происходящие в современном Китае процессы, сопряженные с изменениями в проводимой КПК исторической политике, знаменуют собой возвращение Китая в качестве мировой державы. Но тот факт, что на Западе роль КНР в победе над фашизмом до сих пор остается недооцененной, уменьшает символический капитал Пекина в международной системе, отстроенной по итогам Второй мировой войны. Перенос Россией даты окончания Второй мировой войны со 2 на 3 сентября сблизил позиции РФ и КНР. Общая историческая память о советско-китайском товариществе в борьбе с фашизмом и милитаризмом проявляет себя как значимый символический ресурс в обеспечении всестороннего сотрудничества двух стран. Однако, как подчеркнула А.М. Понамарева в завершении своего выступления, готовность Китая объединить усилия с Россией для защиты памяти о Победе следует понимать прежде всего как готовность Пекина развивать сотрудничество с Москвой *в противостоянии* коллективному Западу.

С заключительным докладом «Вторая мировая война в рамках современного миропорядка» выступил доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ

им. М.В. Ломоносова, д-р полит. наук **А.В. Фененко**, рассказавший о наследии этого ключевого события XX в. и высказавший предположение о прохождении Ялтинско-Потсдамским порядком того же цикла, что был пройден Вестфальским и Венским порядками – от «долгого мира» и серии ограниченных войн к очередному тридцатилетию ожесточенной борьбы за мировую гегемонию.

Пока, констатировал Алексей Валерьевич, мы все еще живем в рамках миропорядка, созданного Второй мировой войной. В его основе – легитимность управления миром: как и в 1945 г., верховная власть формально принадлежит Организации Объединенных Наций (ООН) и Совету Безопасности ООН (СБ ООН), постоянными членами которого все также являются пять держав-победительниц. Мировую экономику по-прежнему регулируют институты, созданные Бреттон-Вудской конференцией 1944 г. – МВФ, Всемирный банк и ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле), преобразованное в ВТО. По-прежнему официально сохраняются три базовых правила Устава ООН: равенство народов и рас, формальное равноправие больших и малых государств и гарантии безопасности всех стран, а также ограничение суверенного права государства на ведение войны. Даже наши морально-этические нормы по-прежнему во многом восходят к итогам Второй мировой войны. Сама дискуссия о так называемом пакте Молотова–Риббентропа возможна только в условиях существования Устава ООН, резюмировал докладчик.

В основе современного миропорядка, подвел итог А.В. Фененко, лежит осуждение нацизма как абсолютного зла. Но будут ли эти принципы вечными – вопрос дискуссионный.